

УДК 141

DOI: 10.17223/1998863X/63/11

И.В. Демин

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КЛИФФОРДА ГИРЦА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИЙ

В статье раскрывается значение культурной антропологии Клиффорда Гирца для современной теории идеологий. Рассматриваются общефилософские предпосылки и социально-философский контекст разработанного Гирцем культурно-семиотического подхода к пониманию идеологии. Проанализированы основные аргументы, выдвинутые Гирцем против структуралистских и постмарксистских трактовок феномена идеологии.

Ключевые слова: идеология, семиотика культуры, семиотика идеологии, культурная антропология К. Гирца, лингвистический поворот

1. Введение. Теория идеологий и лингвистический поворот

Понятие идеологии принадлежит к числу наиболее часто используемых и в то же время наименее ясных и определенных. По словам Г.И. Мусихина, идеология «является одним из самых распространенных терминов в мире политического и одновременно одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории» [1. С. 9]. Несмотря на разностороннюю критику этого понятия, оно по-прежнему сохраняет свое значение, порождая новые концептуализации [2, 3], провоцируя научные и околонучные дискуссии.

Доминирующей в рассмотрении идеологии на протяжении второй половины XIX и всего XX в. была *критическая* тенденция [4]. При всей неоднородности критической традиции анализа феномена идеологии ее представителей объединяет понимание идеологии как «ложного сознания». Такая трактовка идеологии впервые получила концептуальное обоснование в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако начиная с 60-х гг. XX в. марксистская трактовка идеологии перестает быть безальтернативной. В рамках таких направлений, как философская герменевтика, постструктурализм, аналитическая философия, семиотика культуры, онтологические и эпистемологические основания традиционного понимания идеологии (исторический материализм и детерминизм, социологический реализм) подвергаются критическому пересмотру. Решающим фактором здесь стал *лингвистический поворот*, связанный с радикальным переосмыслением роли и статуса языка в контексте социальной жизни и осознанием того обстоятельства, что язык не является всего лишь средством познания и/или инструментом социальной коммуникации, но представляет собой исходную *среду* человеческого существования как такового, своего рода «медиум», всякий раз опосредующий контакт человека с миром (в том числе и миром политики).

Одним из значимых следствий лингвистического поворота в философии и социально-гуманитарном познании стало возникновение *семиотики культуры*.

В последние десятилетия семиотический подход получает все большее распространение в изучении общества и культуры, что позволяет некоторым исследователям говорить о *семиотическом повороте* в социально-гуманитарных науках [5. С. 7–10]. Области политической социологии и политической лингвистики, к которым традиционно относят исследования идеологии, также оказались затронутыми данной тенденцией. В отечественной литературе отдельные аспекты семиотически ориентированной методологии исследования идеологии и политического дискурса затрагивались в работах А.П. Чудинова [6], А.Р. Тузикова [7], О.Ю. Малиновой [8], В.Г. Скочиловой [9], А.И. Соловьева [10], Ф.Н. Блюхера [11]. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал семиотического подхода к анализу политико-идеологических феноменов до сих пор остаются непроясненными. Семиотическая терминология и исследовательские приемы, выработанные в рамках семиотики и философии языка, зачастую применяются не критически, эклектично совмещаясь с традиционными подходами и методами анализа идеологии. Обращение к идейному наследию основоположников семиотики культуры представляется актуальным, поскольку позволяет выработать новые продуктивные исследовательские стратегии анализа идеологии как одной из культурно-семиотических систем.

В данной статье мы рассмотрим трактовку феномена идеологии, намеченную в культурной антропологии Клиффорда Гирца. Несмотря на то, что Гирц никогда не ставил перед собой задачу разработки целостной концепции идеологии, в его статье «Идеология как культурная система» (1964) [12] и некоторых других работах [13–16] можно найти интересные замечания относительно природы данного феномена, а также образцы применения культурно-семиотического подхода к анализу явлений социально-политической жизни. В контексте культурной антропологии Гирца на первый план выходят те аспекты идеологии, которые оставались незамеченными (или непроясненными) в рамках других исследовательских стратегий (марксизм, структурализм, структурный функционализм, социология знания). Речь идет об идеологии как системе символов и символических действий, подлежащих интерпретации, а также особого рода дискурсивной практике, в которой используются различные риторические приемы (тропы).

Несмотря на то, что культурологическая концепция Клиффорда Гирца получила широкую известность как на Западе, так и в России, значение предложенной американским антропологом трактовки идеологии как культурной (символической) системы в контексте современных социально-политических исследований остается явно недооцененным. Специального рассмотрения заслуживает также вопрос о новизне и эвристическом потенциале культурно-семиотического подхода к идеологии.

В отечественной литературе отдельные аспекты интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца анализировались в работах А.Л. Зорина [17; 18], А.Л. Елфимова [19, 20], Н.В. Новиковой [21], О.Б. Христофоровой [22], В. Костырко [23], В.Н. Килькеева [24], Р.М. Руповой [25] и некоторых других авторов, однако эти исследования носят по преимуществу обзорный характер, детальной проработки методологических вопросов изучения идеологии в них нет.

2. Критика господствующих трактовок идеологии в семиотике культуры К. Гирца

Необходимость разработки культурно-семиотического подхода к идеологии Гирц связывал с неудовлетворительностью существующих теорий идеологии. Понятие идеологии, как отмечал американский антрополог, само является предельно идеологизированным. Термин «идеология» нередко используется *полемиически*, т.е. в качестве *ярлыка*, навешиваемого на оппонента (в соответствии с формулой «у меня – социальная философия; у вас – политические взгляды; у него – идеология» [26. С. 226]), а не для фиксации, описания и объяснения феноменов социально-политической жизни. Задача выработки научного (т.е. *безоценочного*) понятия идеологии, впервые осознанная и поставленная Карлом Манхеймом, так и не была решена в социальной философии XX в.

Все многообразие существующих исследовательских стратегий и подходов к анализу идеологий Гирц сводит к двум основным теориям – *теории интересов* и *теории напряжений*. В рамках теории интересов идеология рассматривается как «маска и оружие», согласно же теории напряжений, идеология есть «симптом и лекарство» [Там же. С. 232]. «В теории интересов идеологические заявления рассматриваются на фоне всеобщей борьбы за выгоду; в теории напряжений – на фоне постоянных попыток выправить социально-психологический дисбаланс. Согласно первой, люди все время стремятся к власти; согласно второй – все время избавляются от тревоги» [Там же. С. 233].

Теория интересов, сплавляющая воедино идеологические доктрины и политическую борьбу, наиболее последовательно проявляется в марксистской традиции. Идеология здесь выступает одновременно и в качестве «ложного сознания» господствующего класса, камуфлирующего подлинные причины социальных изменений и мотивы человеческих поступков, и в качестве инструмента захвата, удержания и укрепления власти посредством внедрения определенной картины мира, специфического (и всегда неизбежно *ложного*) видения социальной действительности. Исходной аксиомой данной теории выступает постулат о том, что под видом столкновения идей, принципов и ценностей в общественно-политической жизни *на самом деле* происходит столкновение *интересов*.

Уязвимость этой теории Гирц видит в том, что она обречена на постоянные метания между «узким и поверхностным утилитаризмом», согласно которому человеком всегда движет рациональный расчет, и «более широким, но не менее поверхностным историзмом», утверждающим, что идеи человека «отражают» и «выражают» его социальную принадлежность, обусловлены ею [Там же. С. 233]. Сказанное не означает, что данная теория вообще ничего не дает для понимания идеологии. Как отмечает Гирц, теория интересов, подобно классической механике Ньютона, была не столько отвергнута последующими концепциями, сколько поглощена ими.

Гораздо больше внимания Гирц уделяет разбору и критике теории напряжений. Данная теория представлена в различных направлениях структурализма и структурного функционализма. В качестве исходного здесь принимается постулат о неустранимой «хронической разбалансированности»

общества. «Любое общество сталкивается с неразрешимыми антиномиями: между свободой и политическим порядком, между стабильностью и необходимостью перемен, между экономической эффективностью и гуманностью, между педантичностью и гибкостью и т.п.» [26. С. 235]. Социальная напряженность, проявляющаяся в любом обществе, проистекает из конфликта и даже несовместимости базовых принципов и ориентиров человеческой активности.

В рамках такого подхода идеология является одновременно и *следствием*, и *симптомом*, и *механизмом компенсации* неизбежной социальной напряженности. Гирц отмечает, что диагностически теория напряжений убедительна, а функционально – нет. Эта теория начинает буксовать при исследовании социальных и психологических функций идеологии [Там же. С. 237]. Дело в том, что социальные последствия усвоения той или иной идеологии могут быть совершенно различными. В частности, как подчеркивал американский антрополог, общность идеологического восприятия может как *связывать*, так и *разделять* людей, поэтому даже консолидирующую функцию идеологии нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся.

Причина концептуальной слабости и недостаточности обеих теорий идеологии, согласно Гирцу, в конечном счете заключается в отсутствии «сколько-нибудь развитой концепции относительно того, как формулируются символы» [Там же. С. 238]. В рамках обеих теорий недооценивается или же вообще игнорируется *символический* аспект идеологии, а именно тот факт, что идеология, помимо прочего, является «системой взаимосвязанных символов, структурой взаимосвязанных смыслов» [Там же].

3. Теория идеологии и «парадокс Манхейма»

Отправным пунктом рассуждений Гирца об идеологии становится то, что в литературе иногда именуют «парадоксом Манхейма» [27]. Суть его в следующем: поскольку идеология является функцией социального бытия субъекта и внеидеологической позиции *в пространстве политического* быть не может, постольку любая *критика идеологии* с неизбежностью оказывается *идеологической критикой* (т.е. критикой одной идеологии с позиций другой). Задача выработки неидеологического (безоценочного) понятия идеологии, таким образом, не просто остается нерешенной, но оказывается в принципе *неразрешимой*.

Такую ситуацию, как отмечает Гирц, невозможно расценивать иначе, как вызов, подрывающий основания рационального знания. По сути, речь здесь идет об одном из аспектов *проблемы релятивизма*, над решением которой работали многие социальные теоретики XX в. «Где та точка (если она есть), в которой кончается идеология и начинается наука, – вот что стало Сфинксовой загадкой для многих современных социологов и дало надежное оружие их противникам» [26. С. 226].

Методологическая значимость понятия идеологии обусловлена тем, что именно в нем наиболее отчетливо проявляются основные дилеммы, парадоксы и противоречия социального познания как такового. Научный статус социального знания, его претензии на объективность сильнее всего оспариваются там, где речь заходит об идеологии. Идеология упорно сопротивляется попыткам ее научного изучения и объяснения. Ситуация существенно

осложняется еще и тем, что субъекты политики часто стремятся придать идеологическим постулатам статус *научных утверждений*. «Соппротивление идеологии социологическому анализу, – писал Гирц, – потому так велико, что анализ этот принципиально неадекватен, а лежащие в его основе теоретические категории явно недостаточны» [26. С. 227]. Спасение от «парадокса Мангейма» Гирц усматривает в таком усовершенствовании концептуального аппарата социальных наук, «которое сделало бы его применимым к изучению смыслов» [Там же. С. 228]. В конечном счете задача заключается в том, чтобы сохранить идею историчности и ограниченности социального знания, но при этом избежать угрозы релятивизма. Предложенную Гирцем трактовку идеологии как *символической системы* можно рассматривать как одну из попыток решения указанной проблемы.

Поскольку «парадокс Мангейма» оказывается неразрешим рациональными средствами, Гирц предлагает *обойти* его: «Лучший способ справиться с парадоксом Мангейма, как, впрочем, и с любым не мнимым парадоксом, – это обойти его, так перестроив свой теоретический подход, чтобы с самого начала не вступать на ведущую к парадоксу исхоженную дорогу» [Там же. С. 260]. Это означает отказ от *сравнения* эпистемологического и/или аксиологического статуса двух форм мышления (идеологии и науки). Подобно тому, как научное изучение религии вовсе не предполагает вынесение каких-либо суждений относительно эпистемологического и аксиологического статуса религиозной веры, так и научный анализ идеологии, согласно Гирцу, не может начинаться с формулировок «ложное сознание», «превратное отражение социальной действительности» и т.п.

Эпистемологический и аксиологический статус идеологии и научного знания в рамках культурно-семиотического подхода не подлежит сравнению. «Идеолог, – пишет Гирц, – точно так же не является плохим социологом, как социолог – плохим идеологом. Наука и идеология работают – или, по крайней мере, должны работать – по совершенно разным направлениям, настолько разным, что оценивать деятельность одной по задачам другой – дело очень неблагоприятное и сбивающее с толку» [Там же].

Рассматривая господствующее и «усредненное» понимание идеологии, закрепившееся в социальных науках к началу 60-х гг. XX в., Гирц ссылается на работы Т. Парсонса, Э. Шилза, Р. Арона. Американский антрополог отмечает, что в этих работах некритически принимается целый ряд допущений, каждое из которых при ближайшем рассмотрении оказывается весьма сомнительным.

Во-первых, с самого начала постулируется эпистемологическая *ущербность* идеологии по сравнению с наукой (научной социологией). В основании этого постулата лежит негласно принимаемое допущение, что идеологические высказывания должны оцениваться по тем же самым критериям, что и научные утверждения. В такой трактовке Гирц справедливо усматривает наследие позитивизма Конта с характерным для него наивным объективизмом и остроумно замечает, что «конца идеологии» «мы можем прождать так же долго, как позитивисты ждали конца религии» [Там же. С. 231]. Сводить идеологию к «ложному сознанию» и ненаучному (или даже *антинаучному*) видению социума столь же непродуктивно, как сводить религию к «суеверию».

Во-вторых, критики идеологии, как правило, склонны выставить «патологические крайности идеологического мышления» (нацизм, большевизм) в качестве *типичных образов* идеологии. Идеологический экстремизм выдается за самую суть идеологического видения мира. Это, однако, ничуть не более корректно, чем выдавать, например, инквизицию и религиозный фанатизм за архетипы религиозной веры как таковой.

В-третьих, свободное от оценок *понятие идеологии* часто ошибочно смешивается со свободным от оценок отношением к тем или иным *конкретным идеологиям*. Если второе действительно невозможно, то первое не только возможно, но даже необходимо. Подобно тому, как свободное от оценок понятие религии вовсе не предполагает религиозного релятивизма или индифферентизма, так же и безоценочное понятие идеологии не имеет ничего общего с «идеологической беспристрастностью» субъекта социального познания.

Коль скоро социальные науки не могут вообще отказаться от термина «идеология», совершенно исключить его из научного дискурса, необходимо, полагает Гирц, «продолжать усилия по его обезвреживанию» [26. С. 232]. Под «обезвреживанием» как раз и понимается переход от оценочного понятия идеологии к безоценочному.

4. Особенности культурно-семиотического подхода к идеологии

В контексте разрабатываемой Клиффордом Гирцем концепции предметом анализа оказывается не *политическая сфера* социальной жизни, взятая как относительно автономный социальный феномен, но, скорее, *политическая культура*. Идеология рассматривается как один из конститутивных моментов политической культуры общества.

Первое, на что обращает внимание Гирц: язык идеологии – это *фигуральный* (символический, метафорический) язык, следовательно, к нему нельзя подходить с теми критериями, с помощью которых мы анализируем язык науки. Ориентированные на методологический структурализм социологические теории, согласно Гирцу, попросту не имеют соответствующего аналитического аппарата для исследования идеологии как символического языка, а потому важнейшие вопросы всякой теории идеологии (откуда берется значение идеологических утверждений? благодаря чему та или иная единица идеологического текста становится понятной, осмысленной?) остаются без ответа.

Гирц показывает, что понятия и исследовательские техники, разработанные для анализа «более возвышенных аспектов культуры» (например, поэзии), применимы и для анализа идеологии, коль скоро последняя является одной из культурно-символических систем [Там же].

Семиотический подход предполагает, что идеологические выражения следует понимать не как ярлыки или буквальные обозначения, но как *тропы, стилистические приемы*. Однако, в отличие от анализа художественного произведения, анализ идеологического дискурса требует соотнесения любого высказывания с контекстом его восприятия. В разных контекстах и ситуациях один и тот же стилистический прием или риторическая фигура могут производить неодинаковый эффект. Выбор символов для трансляции тех или иных идеологических смыслов определяется контекстом. Использование символов

может быть удачным или неудачным, эффективным или неэффективным. Сами символы, в свою очередь, могут обладать большей или меньшей выразительной (риторической) силой и убедительностью.

В отличие от художественных символов, символы идеологии неразрывно связаны с социальным действием, предполагают действие, отсылают к нему. В этом смысле идеологические высказывания являются *перформативными*, это всегда высказывания-действия. Вот почему изучение идеологии в рамках культурно-семиотического подхода – это не что иное, как изучение *символического действия*.

Идеология, наряду с другими культурными моделями (религиозными, философскими, эстетическими, научными), снабжает социальных субъектов шаблонами и чертежами для упорядочивания и структурирования процессов и явлений общественно-политической жизни. Идеология в контексте культурно-семиотического подхода уподобляется карте, схематическому изображению социального порядка. При этом важно подчеркнуть, что идеология как карта «территории политического» необходима в той мере, в которой данная территория оказывается *неизвестной, неизученной, непонятной*.

Новую трактовку в контексте семиотики культуры получает и вопрос о *генезисе идеологии*. Для социальной теории и политической философии данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку характер его постановки и решения высвечивает специфику понимания идеологии в рамках различных концепций. Так, в марксистской социальной философии генезис идеологического сознания связывается с классовым расслоением и классовой борьбой (в этом смысле религия также рассматривается как одна из форм идеологии). В рамках структурно-функционального подхода проблема генезиса идеологии, строго говоря, вообще не может быть поставлена, поскольку идеология рассматривается в качестве структурного компонента политической системы вообще (вопрос о генезисе идеологии сводится к вопросу о генезисе социального порядка).

Культурно-семиотический подход позволяет не только по-новому взглянуть на проблему генезиса идеологии, но и объяснить тот факт, что в разных обществах и в разные исторические эпохи роль идеологий может быть различной. Так, в традиционном обществе роль идеологии незначительна или даже сведена к нулю. «В обществах, твердо стоящих на золотом фундаменте Эдмунда Бёрка из „древних мнений и жизненных правил“, роль идеологии, в ее сколько-нибудь выявленном виде, несущественна» [26. С. 248]. Там, где люди действуют на основании традиционных неанализируемых, дорефлексивных предрассудков, надобности в идеологии, упорядочивающей и объясняющей социальный мир, нет. Идеология возникает там и тогда, где и когда эти предрассудки ставятся под сомнение, перестают восприниматься как нечто самоочевидное.

Возникновение идеологии как культурно-символической системы связывается Гирцем с процессом автономизации политики, ее превращением в самостоятельную (хотя и не изолированную) область социальных отношений. Идеология одновременно выступает и фактором, и симптомом автономизации политики, ее отделения от мифологии и религии: «Впервые идеологии в собственном смысле слова возникают и завоевывают господство именно в тот момент, когда политическая система начинает освобождаться от непо-

средственной власти унаследованной традиции, от прямого и мелочного руководства религиозных и философских канонов, с одной стороны, и от принимаемых на веру предписаний традиционного морализма – с другой» [26. С. 249].

В процессе автономизации политики идеология превращается в главный или даже единственный источник социально-политических значений / смыслов. Она придает смысл непонятым социальным ситуациям, делая тем самым возможным целесообразное политическое действие, позволяет интерпретировать и упорядочивать новые, еще незнакомые социальные явления, ориентироваться в потоке постоянно изменяющейся политической жизни.

5. Заключение

Разработанный Клиффордом Гирцем культурно-семиотический подход позволяет «реабилитировать» идеологию в качестве предмета социальных исследований. Гирц убедительно показал, что научное изучение идеологии не может сводиться к задаче ее разоблачения как «ложного сознания», искажающего социальную действительность. Подобно тому, как научное изучение религии совсем не обязательно должно подрывать религиозную веру, так и наука совсем не обязательно должна подрывать убеждения и ценности, провозглашаемые той или иной идеологией. Реабилитация идеологии как предмета социологического и культурологического анализа, однако, не имеет ничего общего с апологией той или иной конкретной идеологии. В четком разделении научного и идеологического ракурсов рассмотрения идеологии заключается одно из главных преимуществ культурно-семиотического подхода.

Отправной точкой научного изучения идеологии в концепции Гирца становится признание ее в качестве особой символической системы, несводимой к другим системам культуры (религии, морали, философии).

Идеология в рамках культурно-семиотического подхода предстает как система взаимосвязанных символов и смыслов, задающих целостный контекст интерпретации различных явлений социально-политической жизни. При таком ракурсе рассмотрения на первый план в изучении идеологии выходит коммуникативный аспект политического дискурса. Идеологии представляют собой культурные (символические) модели, благодаря которым субъекты политики оказываются способны понимать происходящее и вступать в осмысленную коммуникацию с другими субъектами.

Идеология и социальная наука в рамках культурно-семиотического подхода не противопоставляются, но и не отождествляются, они рассматриваются как различные, существующие параллельно (и потому не конкурирующие друг с другом), языки описания и объяснения социальной действительности, особые символические формы культуры, каждая из которых функционирует в соответствии со своим механизмом. С этим обстоятельством связана принципиальная ограниченность культурно-семиотического подхода: его последовательное применение к анализу политической жизни практически исключает какую-либо возможность критического анализа идеологии. Критика идеологии с позиций социальной науки оказывается нерелевантной, поскольку наука рассматривается в качестве иной формы производства и воспроиз-

водства культурных текстов и смыслов, а понятия лжи и фальсификации оказываются фактически не применимыми к анализу идеологического дискурса.

Литература

1. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М. : ВШЭ, 2013. 288 с.
2. Соловьев А.И., Малинова О.Ю., Гаман-Голутвина О.В., Ильин М.В., Пишизова С.Н. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии (материалы дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 28–51.
3. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30.
4. Бурсевич В.В. Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 95–99.
5. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И.В. Дёмин. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2018. 270 с.
6. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
7. Тузиков А.Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа. М. : Социально-гуманитарные знания, 2002. 289 с.
8. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М. : ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
9. Скочилова В.Г. Динамическая модель идеологии // Вестник Томского государственного университета. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 111–119.
10. Соловьёв А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23.
11. Блюхер Ф.Н. Научные понятия и идеологический дискурс: единство противоположностей // Vox. Философский журнал. 2011. № 11. С. 75–82.
12. Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / ed. D. Apter. New York, 1964.
13. Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York, 1983.
14. Geertz C. The Uses of Diversity // Michigan Quarterly Review, Winter. 1986. P. 105–123.
15. Geertz C. What Is a Country If It Is Not a Nation? // The Brown Journal of World Affairs. 1997. Vol. 4.
16. Geertz C. Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton: Princeton University Press, 2000.
17. Зорин А.Л. Идеология и семиотика в интерпретации Клиффорда Гирца // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 39–54.
18. Zorin A. Ideology, Semiotics and Clifford Geertz: Some Russian Reflections // History and Theory. 2001. Vol. 40, № 1. P. 57–73. DOI: 10.1111/0018-2656.00152
19. Елфимов А.Л. Клиффорд Гирц: интерпретация культур // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 144–150.
20. Елфимов А.Л. Об антропологии и гуманитарных науках: несколько заметок о творчестве К. Гирца // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 50–62.
21. Новикова Н.В. Гирцизм в истории: возможности и пределы «интерпретативной» антропологии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 5–10.
22. Христофорова О.Б. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 32–39.
23. Костырко В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 39–52.
24. Килькеев В.Н. Клиффорд Гирц: концепция культуры и семиотический подход к ее изучению // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11. С. 138–142.
25. Рупова Р.М. Антиглобалистский оптимизм А. Щюца и К. Гирца // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 138–143.
26. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
27. Малинкин А.Н. Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 175–186.

Ilya V. Demin, Samara University (Samara, Russian Federation).

E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 111–121.

DOI: 10.17223/1998863X/63/11

CULTURAL ANTHROPOLOGY OF CLIFFORD GEERTZ IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY THEORY OF IDEOLOGIES

Keywords: ideology; semiotics of culture; semiotics of ideology; cultural anthropology of Clifford Geertz; linguistic turn

The article reveals the significance of the cultural anthropology of Clifford Geertz for the modern theory of ideologies. It analyzes the general philosophical premises and the socio-philosophical context of the cultural-semiotic approach to understanding ideology. Geertz's main arguments against the dominant (post-Marxist and structuralist) interpretations of the phenomenon of ideology are analyzed. Geertz's interpretation of ideology is based on a semiotic understanding of culture as a set of extragenetic programs that govern the behavior of a human as a "symbolic animal". In the context of Geertz's cultural anthropology, aspects of ideology that remained undisclosed in the framework of other research programs (structuralist, neo-Marxist, post-Marxist) come to the fore. Ideology within the framework of the cultural-semiotic approach appears as a system of interrelated symbols and meanings that set an integral context for the interpretation of various phenomena of socio-political life. Ideology can be likened to a map of a problematic social reality. The cultural-semiotic approach rehabilitates ideology as a subject of social research and allows one to develop a non-judgmental, non-ideologized concept of ideology. One of the main advantages of the cultural-semiotic approach in comparison with post-Marxist and post-Freudian research strategies is the consistent distinction between the scientific and ideological perspectives of the consideration of ideology. Geertz's interpretation convincingly shows that the scientific study of ideology cannot be reduced to the task of criticizing ideology, exposing it as "false consciousness" that distorts social reality. Ideology and social science within the framework of the cultural-semiotic approach are not opposed, but they are not identified either; they are viewed as different languages and special symbolic forms of culture existing in parallel for describing and explaining social reality.

References

1. Musikhin, G. I. (2013) *Ocherki teorii ideologii* [Essays on the Theory of Ideologies]. Moscow: HSE.
2. Soloviev, A.I., Malinova, O.Yu., Gaman-Golutvina, O.V., Ilyin, M.V. & Pshizova, S.N. (2004) Modern trends in the development of the symbolic space of politics and the concept of ideology (materials of discussion). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Policy. Political Studies*. 4. pp. 28–51.
3. Malinova, O.Yu. (2003) Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniyakh [The concept of ideology in modern political studies]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 8–30.
4. Bursevich, V.V. (2010) Kriticheskiy i neytral'nyy podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyy analiz [Critical and neutral approaches to the study of ideology: a comparative analysis]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki – Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*. 1. pp. 95–99.
5. Demin, I.V. (ed.) (2018) *Semioticheskiy povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyy kontekst* [Semiotic turn in social and humanitarian cognition: origins, prerequisites, cultural context]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
6. Chudinov, A.P. (2013) *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
7. Tuzikov, A.R. (2002) *Zapadnaya teoriya ideologii: ot kritiki "lozhnogo soznaniya" k analizu diskursa mass-media* [Western theory of ideology: from the criticism of "false consciousness" to the analysis of the mass media discourse]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.
8. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow: RAS.
9. Skochilova, V.G. (2011) Dynamic model of ideology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3. pp. 111–119. (In Russian).

10. Soloviev, A.I. (2001) Politicheskaya ideologiya: logika istoricheskoy evolyutsii [Political ideology: the logic of historical evolution]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Policy. Political Studies*. 2. pp. 5–23.
11. Blucher, F.N. (2011) Scientific concepts and ideological discourse: the unity of opposites. *Vox. Filosofskiy zhurnal*. 11. pp. 75–82. (In Russian).
12. Geertz, C. (1964) Ideology as a Cultural System. In: Apter, D. (ed.) *Ideology and Discontent*. London: Free Press of Glencoe.
13. Geertz, C. (1983) *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books.
14. Geertz, C. (1986) The Uses of Diversity. *Michigan Quarterly Review*. Winter. pp. 105–123.
15. Geertz, C. (1997) What Is a Country If It Is Not a Nation? *The Brown Journal of World Affairs*. 4. pp. 235–247
16. Geertz, C. (2000) *Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics*. Princeton: Princeton University Press.
17. Zorin, A.L. (1998) Ideologiya i semiotika v interpretatsii Klifforda Girtsa [Ideology and semiotics in the interpretation of Clifford Geertz]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 29. pp. 39–54.
18. Zorin, A. (2001) Ideology, Semiotics and Clifford Geertz: Some Russian Reflections. *History and Theory*. 40(1). pp. 57–73. DOI: 10.1111/0018-2656.00152
19. Elfimov, A.L. (1992) Klifford Girts: interpretatsiya kul'tur [Clifford Geertz: interpretation of cultures]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 144–150.
20. Elfimov, A.L. (2004) Ob antropologii i gumanitarnykh naukakh: neskol'ko zametok o tvorchestve K. Girtsa [On anthropology and the humanities: several notes on the work of K. Geertz]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 50–62.
21. Novikova, N.V. (2008) Girtsizm v istorii: vozmozhnosti i predely “interpretativnoy” antropologii [Hircism in history: the possibilities and limits of “interpretative” anthropology]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 5–10.
22. Khristoforova, O. B. (2004) Mezhdru stsientizmom i romantizmom: Klifford Girts o perspektivakh antropologii [Between Scientism and Romanticism: Clifford Geertz on the prospects of anthropology]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 32–39.
23. Kostyrko, V. (2004) Simvoly i sistemy: Klifford Girts v poiskakh nestrukturalistskoy semiotiki [Symbols and systems: Clifford Geertz in search of non-structuralist semiotics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 39–52.
24. Kilkeev, V.N. (2009) Klifford Girts: kontseptsiya kul'tury i semioticheskiy podkhod k ee izucheniyu [Clifford Geertz: the concept of culture and the semiotic approach to its study]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 11. pp. 138–142.
25. Rupova, R.M. (2008) Antiglobalistskiy optimizm A. Shchyutsa i K. Girtsa [Anti-globalization optimism of A. Schütz and K. Geertz]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 138–143.
26. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
27. Malinkin, A.N. (2015) Sotsiologiya znaniya M. Shelera i K. Mankheyima: sravnitel'nyy analiz metodologiy [Sociology of knowledge by M. Scheler and K. Manheim: comparative analysis of methodologies]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 175–186.